

**СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ «МЕМОРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ»
(Рец. на кн.: Прошлое для настоящего: История-память и нарративы
национальной идентичности / под общ. ред. Л. П. Репиной.
М.: Аквилон, 2020. 464 с.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-193-196

Рецензируемая коллективная монография посвящена изучению «мемориальной парадигмы», которая стала одним из приоритетов исторических сочинений, конференций, научных дискуссий рубежа XX–XXI вв. Ее авторы — известные историки и культурологи А. Г. Васильев, В. В. Высокова, О. В. Заиченко, И. Н. Ионов, М. В. Кирчанов, С. И. Маловичко, Л. П. Репина, А. А. Щелчков. Автором идеи и редактором издания выступила специалист в области *memory studies*, основатель и президент Российского общества интеллектуальной истории Л. П. Репина.

Исследовательский фокус рецензируемой монографии разнообразен и сложен. Новым и довольно актуальным ракурсом является изучение проблем идентичности сквозь призму национальных нарративов, что позволяет сформировать комплексное представление об особенностях конструирования национальной идентичности в разных исторических традициях. Достаточно продуктивным для развития *memory studies* следует признать используемый в книге двойной концепт «история–память». Так, во введении отмечается: «История от памяти неотделима, и именно эту позицию мы хотим подчеркнуть, обозначив основной предмет нашего исследования в виде двойного концепта “история–память”, то есть история в одном из ее модусов, или как одна из форм памяти» (с. 8). Авторы считают, что в конструировании коллективной идентичности и ее поддержании огромную роль играют традиции национальных историографий. Это нашло отражение и в структуре монографии: феномен памяти рассматривается сквозь призму национальных нарративов, уделяется пристальное внимание травматическому и героическому опыту. Концептуальная связка «память–идентичность–травма» — один из востребованных инструментов социально-гуманитарного анализа, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти о прошлом в его «минуты роковые» (с. 6).

Как показано в монографии, историки регулярно сталкиваются с проблемой интерпре-

тации тех или иных культурных феноменов. В первой главе монографии «Историческая память и нарративы национальной идентичности: “практика истории на службе памяти”», которую написала Л. П. Репина, дается общее представление об исторической памяти и намечается определенный контур последующих глав, поднимается вопрос об особенностях взаимосвязей исторической памяти и национальных нарративов в конструировании идентичности. Аргументированно автором проводится идея трансформации исторического опыта с позиций настоящего, подчеркивается определенная свобода смысловой выразительности прошлого, а в случае несовпадения образа и исторической реальности сомнение социума вызывает уже последняя, а не образ (с. 14, 15). Л. П. Репина тонко подмечает футурологический аспект коммеморативной практики и идентичности.

Очень перспективна еще одна идея, артикулируемая автором, — рассматривать национальный нарратив как своего рода «биографию нации», выделяя социальные функции «национальных историй» (с. 22), которые практически всегда ангажированы. Особенно ярко идеологическая заданность национальной истории проявилась в Германии XIX в. Именно там и тогда была сформулирована проблема «историк и политик»,¹ когда историю стали рассматривать с точки зрения «идеи моего народа и государства» (с. 22).

Текст и проблематика главы многослойны. Не отрицая, в принципе, единства истории и памяти, Л. П. Репина поднимает извечную для исторического знания проблему достоверности и признает, что, с этой точки зрения, история должна корректировать память, преодолевая ее одномерность и линейность (с. 36). Эта яркая, аналитичная, насыщенная интереснейшими наблюдениями и идеями глава задает тон всей книге.

Последующие 13 глав условно группируются в тематические разделы, посвященные

¹ См. об этом подробнее: Ростиславлева Н. В. Проблема «историк и политик» в творчестве Ф. К. Дальмана. 1785–1860 // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 137–151.

развитию идентичности отдельных стран. Широкий охват определяет уникальность и репрезентативность рецензируемой монографии: в ней представлены исследования на материале истории и историографии России с XVIII по XX вв., а также отдельных стран Европы и Латинской Америки.

Фокус глав 2–5, написанных И. Н. Ионовым и С. И. Маловичко, направлен на исследование проблемы трансформации идентичности России и определявших ее факторов. И. Н. Ионов поднимает проблему преемственности в тандеме «память–идентичность», констатируя, что в России существует «разница в понимании памяти как преемственности: преемственности движения или преемственности дискурса», а поскольку эти вопросы не решены, то ситуации «войн памяти» порождают запросы на вмешательство государства в осмысление «уроков прошлого» (с. 37), а ответом на цивилизационные вызовы, по мнению И. Н. Ионов, являются специфические для периферии проявления зависимого сознания (западничество–славянофильство). С этих позиций в главе подробно анализируется идентичность русского дворянства.

В 3-й главе, которая написана И. Н. Ионовым, рассматривается память и идентичность в советской и постсоветской России. В постсоветской России у новой номенклатуры из числа «реформаторов» сформировалась «зависимая идентичность», что превращало ее в объект манипуляций. Последнее десятилетие характеризуется автором как время усиления «имперского синдрома» — государствоцентричных и националистических интерпретаций исторической памяти (с. 101). Автор очень искусен в современной политологической и социологической литературе; виртуозно владея приемами анализа и методологическим инструментарием, он сумел представить палитру идентичностей России в прошлом и настоящем.

Автор 4-й главы — недавно ушедший из жизни яркий историк С. И. Маловичко. Он рассмотрел проблему идентичности России XVIII в. сквозь призму историографии, проанализировав национальную историю в структуре исторического знания в России. В фокусе внимания автора — изучение национальных нарративов историков-любителей и их влияния на формирование идентичности.

В 5-й главе С. И. Маловичко развивает те же направления уже на материале национальных

историй XIX — начала XX в., показывая смену «режимов историчности» и проводя мысль о том, что объективность и научность истории начали проповедоваться тогда, «когда историки стали обслуживать национальную идеологию» (с. 167). С. И. Маловичко верно замечает, что именно с XIX в. национальная история обретает научность и вычленяет важнейшие маркеры, отличающие национальные истории XIX в. от нарративов XVIII в. (с. 169, 170). В принципе, соглашаясь с автором, необходимо заметить, что отказ от историографического схематизма Просвещения — это общая особенность историописания XIX в. Например, в Германии интерес к национальной истории «подогревался» политическими вызовами и принципом познания прошлого по формуле великого Л. фон Ранке: «как это, собственно, было». Поэтому политик XIX в. — это довольно часто историк, использующий прошлое как инструмент для достижения своих политических целей.²

Следующая, 6-я, глава посвящена практике самопрезентации национальной истории. С. И. Маловичко раскрывает ее на основе анализа учебных книг по национальной истории.

Главы 7–9 (автор — В. В. Высокова) повествуют о формировании идентичности в британской культуре. По мнению автора, ядро идентичности — национальный нарратив — начинает складываться в Европе задолго до «века национализма». Говоря о Британии, она сосредоточивается на освещении хорографического проекта антикваров конца XVI — начала XVII в., в рамках которого соединялись пространство и время. Центральная фигура в рамках этого проекта — У. Кемден. В век Просвещения национальная история осмысливалась в таких универсальных категориях, как прогресс и свобода. Отказ от философии естественного права формирует в XIX в. новые основания национальной идентичности, которые отталкивались от «образа врага» и опирались на процесс складывания «гражданского общества», что прекрасно проиллюстрировано автором при анализе творчества Г. Галлама, Т. Б. Маколея, Дж. Э. Фруда, Э. А. Фримена, У. Стаббса, Дж. Р. Грина, С. Гардинера. Краеугольным камнем исторической памяти англичан стала их «неписаная» конституция, а «нация» рассматривалась в качестве консолидирующей идеи, на основе которой «произросло величие Британской империи» (с. 289).

² Там же. С. 139–147.

От строгого страноведческого принципа, который в основном выдерживается в монографии, отстоит глава 10 «Государственная история vs национальные истории: историческое воображение в многосоставных обществах», которая посвящена компаративному анализу конструирования идентичности в России и Англии. Ее автор — М. В. Кирчанов — наглядно показал, как «большие» нарративы конструировались сообразно требованиям «текущей политики» (с. 297).

Представляется, что замысел автора очень интересен, но вызывает много вопросов. Так, не совсем понятно, что автор понимает под «временной федерализацией России» (с. 315). Вызывает возражение утверждение автора о том, что «на протяжении длительного времени при написании историй России и Англии доминировали позитивистские версии исторического воображения, что предопределило их восприятие как линейных и преимущественно политических историй» (с. 316). Позитивизм как методологическая парадигма никогда не абсолютизировал политическую версию истории, более того, историки-позитивисты всегда делали упор на экономические и культурные реалии, концентрируясь на возможных закономерностях исторического процесса. Проблема идентичности, этничности, гражданства и ее отражение в исторических нарративах являются очень диверсифицированными, а ее изучение в сравнительном ракурсе усложняет поставленную задачу, что привело в данной главе к некоторой фрагментарности.

В главах 11–12 (автор — О. В. Заиченко) исследуется конструирование национальной истории Германии и «германского мифа», который на протяжении долгого времени определял историческую память и самоидентификацию немцев. Автор показывает, как в немецком историческом дискурсе шли процессы дегероизации античного Рима и восхваления собственных традиций и как «образ немецкого “прошлого”, аккумулированный в “германском мифе”, рефлексировался на различных этапах немецкой истории, что, в конечном итоге, как утверждает О. В. Заиченко, привело к краху национальной идеи в 1945 г.» (с. 325). Автор предлагает читателям свою классификацию германских мифов; она довольно проста и логична. Важная роль в становлении германского национально-го мифа отводится немецкому гуманизму и Реформации.

Рассуждения автора о второй группе мифов — «мифах о герое» — в основном сосредоточены на фигуре Арминия (с. 352–357). В рамках этого сюжета О. В. Заиченко уже публиковала статьи, которые обрели известность среди историков-германистов. Вторая глава, подготовленная О. В. Заиченко специально для рецензируемой монографии, посвящена «имперскому мифу». В довольно упругом и насыщенном тексте содержится интересный материал о превосходстве немецкого языка, которое автор также характеризует как миф. Сразу, правда, возникает вопрос о его месте в предложенной автором классификации. Насколько возможно называть мифом прогресс немецкого языка — это вопрос, поскольку немецкий язык вышел за пределы обыденной жизни уже в эпоху Реформации.

Довольно удачно автор показывает нелинейность, скачкообразность развития немецкого национального самосознания, отмечая, что только в XIX в. происходит политизация национального мифа. О. В. Заиченко делает, в принципе, правильный вывод о том, что политическое представление о нации у немцев подменялось этническим. Правда, автор упускает из виду (и это снижает исследовательскую ценность главы), что в этот дискурс не вписывается революция 1848–1849 гг., когда было подготовлено политическое объединение немцев, более того, именно это событие актуализируется современной германской историографией, которая рассматривает его как основу континуитета германской истории.

Написанная А. Г. Васильевым глава 13 — «Сарматизм в нарративах польской идентичности: на перекрестках интерпретаций» — освещает сложности формирования польской идентичности. Автор утверждает, что «сарматизм является главной характерной чертой, придающей польской истории специфичность на фоне окружающих европейских стран» (с. 390). Размышления об идентичности сопровождаются глубоким экскурсом в историю сарматизма, подчеркивается его роль в консолидации шляхты (с. 391). Сарматизм превращается в символ польской нации, в XX в. является его антропологическая интерпретация как стиля и образа жизни. Высокий дискуссионный тонус концепт сарматизма сохранил и до настоящего времени. Убедительность выводов главы придает то, что развитие дискурса сарматизма представлено в ней на протяжении столетий.

В главе 14 затрагивается формирование идентичности в Боливии. А. А. Щелчков рассматривает этот процесс сквозь призму идеализма и отмечает, что приоритетом выступает партийная идентичность, но ее основой являются не партии или социальные группы, а целые этносы — индейские народы Боливии.

Траектории научного поиска историка всегда определяются настоящим, его ценностями, социокультурными стереотипами, политическими предпочтениями. Эта мысль стара, как

мир, но и настоящее — величина переменная, поэтому историки обречены на вечную смену интерпретаций прошлого. Хочется сказать слова благодарности коллективу авторов монографии за современное и очень интересное прочтение разнообразных национальных нарративов прошлого в сопряжении с конструированием идентичности, которая в эпоху глобализации отнюдь не является «уходящей натурой», а обретает второе дыхание, вызывая дискуссии и войны памяти.

*Н. В. Ростиславлева,
д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории РГГУ (г. Москва)*